

От текста к гипертексту

Виктор Владимирович Буряк

*Таврический Национальный Университет им. В. И. Вернадского
кафедра философии*

Буряк Виктор Владимирович окончил филологический факультет МГУ. Диссертация посвящена культурно – историческому контексту становления европейской системы образования. В области интересов всегда была история философии (античная и новейшая). Сегодня пристальное внимание автора обращено на экспоненциальное развитие Интернет и влияние Всемирной Паутины на процессы выходящие из стадии постмодернистской культурной матрицы в сферу гипертекстуального постмодернизма.

В статье предпринята попытка рассмотреть во взаимной связи такие фундаментальные характеристики культуры как коммуникация, текстуальность, интертекстуальность. Контекстом анализа является экспоненциальный рост мультимедийных технологий, впечатляющее развитие системы Интернет.

У статті зроблена спроба розглянути у взаємному зв'язку такі фундаментальні характеристики культури як комунікацію, текстуальність, інтертекстуальність. Контекстом аналізу є експонентне зростання мультимедійних технологій, вражаючий розвиток системи Інтернет.

The article describes an attempt of viewing in interconnection such fundamental characteristics of culture as communication, textuality, intertextuality. A context of the analysis is an exponential increase of multimedia technologies, and impressive development of the Internet.

Ключевые слова: Интернет, киберкультура, коммуникация, текст, интертекст, гипертекст.

Коммуникативный характер киберкультуры

Исходя из этимологического анализа латинских терминов *communicatio* – сообщение, разговор; *communico* – сообщать, участвовать, соединять; *communis* – общий, публичный; *commune* – общество, граждане, гражданское общество [8], укажем прежде всего на «количественное» измерение. «Единицей» коммуникативной ситуации является общение, разговор как минимум двух лиц, максимум коммуникации едва ли достигим, поскольку в общение должны быть вовлечены все граждане. Такова диспозиция коммуникантов, когда мы принимаем классическое представление относительно общения, то есть непосредственной беседы «лицом к лицу». Сегодня, когда население нашей планеты превышает 6 млрд. человек и говорить о максимальном уровне коммуникативной деятельности казалось бы абсурдно, все очевиднее становится тенденция нарастания гиперкоммуникации. По различным подсчетам, от 400 до 500 млн. человек в мире уже в той или иной степени вовлечено в грандиозную коммуникативную систему на основе World Wide Web, хотя диспропорция возможностей доступа к ней сильно колеблется от страны к стране (если в Люксембурге на 100 жителей приходится 75 РС, то в Конго на 200 000 жителей всего 1 компьютер). Уже к ноябрю 1999г. свыше 119 млн. американцев имели доступ к Интернет [6,7]. По данным компании TRI 68.7 млн. американцев постоянно пользуются услугами Интернет (2000г.), что на 52% больше чем в 1999г. [4] По неофициальным данным в России 3% пользователей Интернет (4.5 млн. чел.). В Украине – 1% (500 тыс. чел.).

Учитывая наличные тенденции в области инфотехнологий, достижение максимума коммуникативной деятельности в странах «золотого миллиарда» вполне достижимо в ближайшие годы.

Быстрота, надежность и мультимедийные эффекты, благодаря существованию WWW, ставят Internet вне конкуренции относительно всех иных традиционных схем и систем связи, за исключением, конечно же, непосредственного реального общения «лицом к лицу». Но общение «в живую» не отменяется, оно дополняется и интенсифицируется электронными средствами связи. Тотальная коммуникация в системе WWW дополняется, кроме всего прочего, доступом к огромным информационным ресурсам: электронные конференции, форумы, не говоря уже о chat-rooms, существенно дополняют и расширяют формы обычной академической или профанной коммуникации. Причем, и в качественном (технокоммуникационном), и в экономическом плане проведение важных дистантных мероприятий различного уровня представительства становится более эффективным, массовым и доступным. Согласно Дж. Маккану (J. McCann), оптоволоконная связь наряду с другими новейшими технологиями привела к резкому снижению расходов на проведение видеоконференций за последние 10-15 лет. Если в середине 80-х годов оборудование для видеоконференций стоило 250 000 долларов для каждой группы участников, а один час коммуникации стоил 1 тысячу долларов, то в 1992 году стоимость оборудования составляла уже 40 000 долларов, а час разговора – 15 долларов. Сегодня оборудование стоит несколько тысяч долларов [12,6]. Разрабатываемая концепция интерактивного телевидения позволит «не выходя из дома» участвовать в самых грандиозных форумах, и стоить это будет «центы» для каждого из участников коммуникативной деятельности.

Кроме научных конференций, параллельно им быстро развивается «профанная», повседневная форма общения, mail-listening, вытесняя и стирая классический эпистолярный жанр, основное транскомуникативное средство прошлых столетий. AOL (America Online) экспоненциально расширяет сферу своего влияния, значительно выросла и онлайн-сеть FIDO. Несмотря на интенсивное использование мультимедийных технологий, обмен текстами является до сих пор наиболее привлекательным. Вербальное общение пока что превосходит невербальные, имажинативные формы коммуникации (рисунки, фото, видео, звуковые ряды), являющиеся в основном приложениями (attachments) к традиционным текстовым сообщениям. Тем не менее, дополнение традиционного текста (письмо 19 века) образно-звуковыми «иллюстрациями» позволяет существенно расширить смысловой и эстетический объем сообщения и, следовательно, расширить границы восприятия получаемой информации. Поэтому мы сегодня можем говорить не только о вербальном характере академической коммуникации, но скорее о сенсорно-имажинативном и вербальном ее измерении [9].

Как утверждает известный социолог И. Кон, около 1.5% пользователей Интернета ежедневно по 11 часов находятся в сети. Это уже на грани коммуникативной патологии и путь к социальному аутизму (И.Кон называет это явление «кибераутизмом») [5].

Современное информационное общество создало все условия для возникновения нового типа культуры – киберкультуры (cyberculture), и нового типа людей, обитающих в киберпространстве (cyberspace), называющих себя Netizens (неологизм, образованный от citizen – гражданин, и Net – сеть, «всемирная мировая паутина»). Уже сформировалось целое поколение Netizens, предпочитающее многочасовое пребывание в WWW и виртуальную коммуникацию реальному «человеческому», «задушевному» общению (патологическая зависимость от сети уже весьма заметна в количественном и качественном плане, что очевидно в геймерстве как стиле жизни).

Так или иначе, основной единицей сетевой коммуникации пока что является текст (текстовый документ). По существу это актуальная и потенциальная совокупность текстов (интертекст, мегатекст, гипертекст). Если использовать бальзаковскую метафору «шагреновой кожи», но только в зеркальном отображении, то сетевой текст это такая «шагреновая кожа», которая с каждым последующим желанием пользователя (user) не сокращается, а напротив того – растет. Желание пользователя сети (user, коммуникант) превращается в коммуникативный соблазн, провокацию для других Netizens, после вопроса следует ответ, и текст продолжает расти. К весне 2000 года в Internet содержалось более одного миллиарда оригинальных (unique) документов, причем 860, 000, 000 из них – на английском языке [13]. Если кто-либо заходит в сеть, то явно или опосредованно он стремится к коммуникации, в особенности это относится к «обитателям» чатов – «loquor ergo sum» [7] («говорю, следовательно существую») как дополнение к картезианскому «cogito ergo sum» - «мыслю, следовательно существую»).

Тексты и Текст

До начала XX века проблемами, связанными с возникновением, существованием текстов и истолкованием их смыслового поля, занимались текстологи (филологи, историки), литературные критики, теологи-экзегеты и немногочисленные представители философской герменевтики. Однако, уже в раннем психоанализе классический литературный текст как объект анализа не удовлетворяет исследователя. В понятие текстуального включаются сновидения, фантазии, анекдоты, жесты, структуры поведения, болезни (даже история соматического заболевания весьма значимый текст для психоаналитика). Речевые ошибки, искажения слов и предложений, перечеркнутые буквы и слова являются не менее значимыми, а иногда и более значимыми элементами текста. Все более интересной сферой текстологических штудий становится не то, что «буквально» сказано автором, но то, что он пытался утаить, спрятать от всех, даже от себя самого. Поэтому, неотъемлемой частью текста оказывается биография автора, биографии его родственников и знакомых, это иногда чревато герменевтической патологией, дурной бесконечностью истолкования смыслов, «фамилизацией» герменевтического анализа.

Тем не менее, такое рисованное углубление в проблему авторской идентификации текста привело к еще большему расширительному толкованию термина «текст». Если прежде любой текст индивидуализировался и идентифицировался с конкретным автором (проблема авторства «Иллиады» и «Одиссеи», «Ареопагитик», и др.), то структуралисты и постструктуралисты начали активно разрушать то, что можно назвать «феноменом», «институтом» авторства. Лаколично это новое представление о тексте выражено у Бахтина: «Текст как своеобразная монада, отражающая в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы» [2,475]. Это высказывание (его можно отнести к 1959-1961 г.г.) недвусмысленно указывает на философский источник – «Монадологию» Лейбница. Философема «любой Текст – Вселенная» используют также Борхес и Барт. В своей программной работе «S/Z» Барт пытается показать множественность и бесконечность текстового смыслового пространства, всегда выходящую за пределы знакового поля любого текста. Пересматривая жесткую структуралистскую «систему исчисления» смысла как обнаруженные осевой структуры «означающее-означаемое» и указывая на приоритет знакового поля, Барт постулирует много-многозначную интерпретацию как аутентичный метод прочтения Текста. «Такой идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику означающих, а не структуру означаемых, у него нет начала, он обратим...» [1,14]. Стоит отметить, что работа Барта была опубликована в 1970 году. Идеям Бахтина и Барта созвучны метафоры и философские притчи Борхеса («Сад расходящихся тропок», «Вавилонская библиотека» и др.). Всех этих авторов объединяет мысль о том, что всякий текст интегрирует в себе, многократно отражает смыслы, присутствующие во всех других текстах. Поэтому при каждом новом прочтении читатель в состоянии обнаруживать все новые и новые смыслы под поверхностью одного и того же текста. Можно говорить о «перераспределении смысловых стратегий» в ходе прочтения и «скольжении» серии означающих, конституированных данным конкретным текстом вдоль «океана» означаемых.

Несколько ранее (в 1967 г.) Деррида в одной из программных своих работ «О грамматики» пытается размыть традиционный концепт «текст» посредством подмены его неясно-аморфным понятием «письмо», расширительное употребление которого (любой знак, графема, зарубка, звук, след, жест, и проч.) ведет к смысловой инфляции традиционного текстового сообщения, «произведения» автора. Как бы ни избегал Деррида употреблять понятие «текст», все же анализ «эпохи Руссо» через тексты Руссо вынуждает его применить традиционный литературоведческий термин, придав ему парадоксальное значение, родственное тому понимаю текста, какое мы встречаем у Бахтина и Барта. Исходя из тезиса: «Текст всегда имеет разные возрасты, и чтение должно с этим считаться» [3,242], Деррида «спутывает» все корни («корень» используется как это присуще автору провокационно-двусмысленным образом, и в этимологическом плане, и в деривационном, одновременно), софистически вплетая и сплетая их в странную тотальную нечленораздельную взаимоуничтожающую сеть значений. «Основания текстов (Текста) – это основания культуры, и эти основания («корни») заключаются в бесконечном переплетении корней... их укоренении в других корнях, корневому укоренению... многократных возвратах в одни и те же точки» [3,242]. Деррида говорит «о повторях старых сцеплений, о спутывании и обвивании корнями друг друга» [3,242]. Релятивизм, метафоричность, нарочитая зыбкость концептов – характерные черты постструктурализма вообще, размышлений о природе и сущности текста в частности стали идеологической и

методологической основой формулирования проблемы текста на рубеже столетий/тысячелетий в эпоху фатальных стратегий Internet.

В этой связи особенно актуальной оказывается проблема текстуальной идентичности. В одном из исследований, посвященных этой теме, Джордж Грация (США) полагает, что в качестве фундаментальных типов идентичности текста можно выделить *ахроническую* (т.е. вневременную), *синхроническую* и *диахроническую*. Более эвристичным типом автор считает первый тип, поскольку он ближе к подлинному измерению смыслового горизонта всякого текста. Используя аналитические и лингвистические средства исследователь пытается выявить такие условия идентичности, которые позволят сделать смыслы идентичными, несмотря на временной модус. Дж. Грация определяет несколько необходимых и достаточных условий существования текстуальной идентичности ахронического типа. Это: *идентичность смысла* (при совпадении условий истинности либо ложности), *идентичности автора* (принадлежность текстов одному автору), *идентичность контекста* (принадлежность одному контексту), *идентичность знаковых структур* (одни и те же синтаксические структуры), *идентичность знаков* (идентичность «атомарных» единиц текста). Ахроническая идентичность достигается при соблюдении всех вышеперечисленных условий [8]. Проблемы идентичности текстуального пространства, автора, самоидентичности читателя очевидно требуют дальнейшей разработки.

Hypertext, Politext, e-Text как инкарнации новой текстуальности

Сегодня, когда сотни миллионов компьютеров всего мира соединены в единую цепь, называемую World Wide Web, когда все тексты в виде файлов владельцев этих машин потенциально могут быть включены в гигантскую виртуальную библиотеку и в считанные секунды могут быть затребованы и получены любым читателем в любой точке Земли, становится ясно, что классическое, «допостструктуралистское» представление о тексте как о «книге» должно быть дополнено новым (или новыми) понятиями с целью концептуализации настоящего положения дел в плане конституирования «новой текстуальности».

Кроме гипертрофии пространства сетевого текста, при формулировании привычного для литературоведения и герменевтики концептуального подхода нужно учесть также и «стерео/фоно/скопическую форму/поверхность электронного Текста (e-Text, e-Literacy), состоящего из «слов, звуков, фото, видеоклипов, симуляций и проч.» [9,3] Фактически, происходит своего рода «возврат» к мифопоэтической эпохе, когда миф был репрезентирован не буквальным текстом, но «представлялся» в ходе красочного «карнавального» зрелища, сопровождаемого музыкой, танцами, речитативами, диалогами. «Иллюстрации» были тогда неотделимы от «текста», будучи его составными частями. Современный электронный текст связан многочисленными связями (nodes, links) с другими e-texts, представляя собой фактически бесконечную текстовую ткань, ежеминутно неотвратно увеличивающуюся, включающую в себя все больше мультимедийного материала и вовлекающего в коммуникацию все больше и больше коммуникантов. Аспект тотальности и беспредельного роста Текста в Киберпространстве отражает понятие «Гипертекст» (Hypertext). Под гипертекстом подразумевается не просто линейный текст, который содержит связи (links) с другими текстами. Само понятие было создано Теодором Нельсоном в 1965г. Многоотраслевой, многоуровневый, «многоголосый» и пестрый характер гипертекста выражает понятие «Политекст» (Politext), кроме того, в весьма близком значении к гипертексту употребляется термин «Интертекст» (Intertext). Все три термина дополнительны друг к другу, обнаруживая полиинтервальную и коммуникативную природу новой текстуальности, расположенной в виртуальном кибернетическом пространстве. Одно из важнейших коллективных исследований в области изучения истории, структуры и культурной значимости гипертекстового измерения вышло в 1994г. под редакцией известного теоретика гипертекстуальности Джорджа Ландау «Hyper/Text/Theory» J.H.U.P. 1994 [10]. Наиболее адекватной «экспресс-метафорой», обнаруживающей структуру гипертекста, является классический коллаж, где газетная страница в одной плоскости картины соседствует с наклеенным проездным билетом, обрывком географической карты, акварельным рисунком, куском фольги, высохшим растением, старинной гравюрой, фотографией, сделанной фотоаппаратом «Polaroid», наклеенными усами, студенческим конспектом работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В гипертекстовом пространстве соединенные при посредстве гиперссылок сосуществуют эпохи, документы, люди, звери, растения и моллюски, ДНК и динозавры. Фундаментальная проблема обитателей киберпространства/читателей гипертекста состоит в преодолении синдрома дезориентации в бесконечном текстовом пространстве и преодолении соблазна

раствориться в разнообразной коммуникативной деятельности. Сейчас снова (как, впрочем, и всегда) становятся сакраментальными слова Сартра – «Человек обречен быть свободным». Воля к тексту должна быть уравновешена волей к самодостаточности и самоидентичности. На противоположном полюсе свободы – растворение в тексте, е-вуаеризм (e-voeuergism), угроза стать патологическим читателем гипертекста и соглядатаем виртуальных миров.

Литература

1. Барт Р. S/Z. М.: «Ad Marginem».- 1994.
2. Бахтин М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Литературно-критические статьи. М.: Худож. Литература. – 1986.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М.: «Ad Marginem». – 2000.
4. Известия. 8 февраля 2000
5. Кон И. Интервью газете «Известия» // Известия 8 февраля 2001
6. Пороховский А.А. США: экономические вызовы в новом столетии // США. Канада. Экономика. Политика. Культура. М.: Наука. №9. 2000.
7. Шульц Г. Латино-русский словарь. СПб. Тип. Императорской Академии наук. – 1877.
8. Gracia J.I.E/ Textual identity // SORITES: An international electronic quarterly of analitical phylosofy. – Madrid, 1995. – <http://olmo.csic.es/pub/sorites>
9. Kaplan N. Politexts, Hypertexts, and Other Cultural Formations in the Late Age of Print // Computer-Mediated Communication Magazine. 1995, Vol. 2, №3, March
10. Landow J.P. ed. Hyper/Text/Theory. Johns Hopkins Univ. Press, 1994.
11. Lesurn J. Penser la société L'information // Commentaire. P., 1997 – Vol. 20. – №77.
12. McCann J. Cyberspace according to Gilder. 1997 <http://www.qub.ac.uk/in/shuttle/cyber.html>
13. Net Effect // Foreign Policy, (2000) Spring
14. What is HyperText? <http://www.euro.net/mark-space/Glossary.html>